

УДК 1.16. 16.43

DOI: 10.17223/1998863X/32/22

Д.И. Постникова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕМИНИСТСКОЙ УТОПИИ

Рассмотрены теоретические основы связи литературного жанра с идеологией и утопией, приводятся различные определения понятий «идеология» и «утопия». Объектом исследования стал литературный жанр феминистской утопии, приводятся его социолингвистические характеристики, анализируются возможности жанра для социофилософского анализа и моделирования.

Ключевые слова: литературный жанр, идеология, утопия, феминистская фантастика, дискурс-анализ.

Литературный жанр – понятие не столь простое и однозначное, каким оно кажется с точки зрения бытового употребления. Прежде всего, возникает вопрос о принадлежности всех произведений каким-либо литературным жанрам. Действительно, не раз подчеркивались уникальность каждого сколько-нибудь значимого литературного произведения и тот факт, что именно новаторство является ценным в произведении литературы. В таком случае, как можно говорить о какой-либо классификации оригинальных по своей сути произведений?

В своей работе «Введение в фантастическую литературу» французский философ Цветан Тодоров разрешает эту проблему, помещая проблему оригинальности произведения в сферу эстетики. В свете же лингвистического исследования художественное произведение имеет двойственную структуру. С одной стороны, текст является закономерным продолжением других текстов, «обладает свойствами, общими со множеством литературных текстов или с одним из его подмножеств, как раз и называемым жанром» [1], так как только эти общие свойства и позволяют нам «опознать» в произведении принадлежность к миру художественной литературы. С другой – текст есть не только изначально заданная система элементов, но и трансформация, перестройка этой системы.

Б.В. Томашевский в книге «Теория литературы. Поэтика» пишет: «В живой литературе мы замечаем постоянную группировку приемов, причем приемы эти сочетаются в некоторые системы, живущие одновременно, но применяемые в разных произведениях. Происходит некоторая более или менее четкая дифференциация произведений в зависимости от применяющихся в них приемов. <...> Приемы построения группируются вокруг каких-то ощутимых приемов. Таким образом, образуются особые классы или жанры произведений» [2. С. 76].

Основываясь на вышесказанном, **жанром** в данной работе мы будем называть исторически складывающиеся группы литературных произведений, объединённых совокупностью формальных и содержательных свойств.

Прежде чем обратиться к теории литературных жанров, необходимо уточнить целесообразность проблематизации изучения литературных жанров. Ц. Тодоров, задаваясь вопросом необходимости поднимать вопросы анализа жанров, приводит высказывание Жерара Женета: «Литературный дискурс производится и разворачивается в соответствии со структурами, за рамки которых он не способен выйти лишь потому, что и сегодня находит их в сфере своего языка и письма» [3. С. 15]. Таким образом, критическое осмысление жанрового разнообразия позволяет сделать норму более гибкой, адаптировать её для современных произведений, не вписывающихся в исторически сложившиеся структуры.

Открытым для дискуссии является также вопрос о том, сколько существует жанров вообще и как их классифицировать? Релятивистский взгляд представителей русского формализма (в частности – Б.В. Томмашевского) дает лишь некоторую определенность в этом отношении: «Произведения распадаются на обширные классы, которые, в свою очередь, делятся на виды и разновидности. В этом отношении, пробегаая лестницу жанров, мы от отвлеченных жанровых классов упрямся в конкретные исторические жанры («байроническая поэма», «чеховская новелла», «бальзаковский роман», «духовная ода», «пролетарская поэзия») и даже в отдельные произведения» [2. С. 159]. Видится разумным замечание, что жанры располагаются на разных уровнях обобщения, и, соответственно, классификация будет напрямую зависеть от выбранной исследовательской позиции. Следующим шагом в исследовании становится определение принимаемой степени абстракции и того, как эта абстракция вписывается в систему фундирующих её категорий.

В качестве примера теории литературных жанров Ц. Тодоровым была рассмотрена и проанализирована теория классификации литературных жанров Нортон Фрая – одного из известных англоязычных литературоведов XX в. Сама теория описана в его работе «Анатомия критики». К ней же, необходимо заметить, отсылает своего читателя Хайден Уайт во вступлении к своей «Метаистории». В данном случае интерес представляют лишь некоторые комментарии Тодорова к этой теории, поэтому мы не будем более подробно останавливаться на положениях самой теории.

Критикуя теорию Нортон Фрая, Тодоров упоминает одну очень важную для нас особенность – связь литературных жанров с философскими категориями. Надо тем не менее отметить, что исследователь отвергает позицию подчиненного положения литературных жанров по отношению к философским категориям как исключительно средства для выражения последних. Безусловно, столь тотальное отвержение автономности литературы не может быть принято и в рамках данного исследования, но и отвергать ценное замечание нет необходимости. Важным оно является по той причине, что, может быть, не абсолютно явным способом, но все же указывает на то, что было ещё прежде вскользь отмечено Женетом: литература являет в себе дискурсивную практику. Выражение в литературе философских категорий позволяет говорить о взаимосвязях, которые существуют между литературными жанрами и философскими концепциями.

Для более глубокого анализа взаимоотношений литературных жанров и философских концепций обратимся к работе В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка». В работе, посвященной марксистскому осмыслению философии языка, постулируется прямая связь между языком, различными речевыми жанрами и идеологией. Термин «идеология» в этом случае выступает в своем широком значении, обозначая систему концептуально оформленных взглядов и идей, выражающую интересы различных социальных классов, групп, обществ, включающую в себя оценку взглядов, идей и социальных явлений.

В.Н. Волошинов (как предполагается, одна из литературных масок М.М. Бахтина) указывает на то, что идеологичность языка происходит из идеологичности знака: «Знак не просто существует как часть действительности, но отражает и преломляет другую действительность, поэтому-то он может исказить эту действительность или быть ей верным, воспринимать её под определенным углом зрения и т.п. Ко всякому знаку приложимы критерии идеологической оценки» [4. С. 357]. Любая идеология, таким образом, имеет знаковый характер и, более того, существует только в знаковом материале, на межиндивидуальном уровне. Наиболее явно, по замечанию автора, знаковый характер идеологии выражается в языке. Слово рассматривается Волошиным как идеологический феномен. «Вся действительность слова растворяется в его функции быть знаком» [4. С. 359].

Отметим несколько наиболее важных для данного исследования тезисов, высказанных в первой части «Марксизма и философии языка»:

1. Всякому идеологическому тексту принадлежит знаковое значение (Знаковый характер является общим определением всех языковых явлений).

2. Слово является наиболее чутким показателем социальных изменений.

3. Между формой общения, формой высказывания и его содержанием существует неразрывное органическое единство.

Важным также можно счесть замечание об идеологической нейтральности слова. Один и тот же язык используется для выражения и обслуживания самых разных идеологий. Меняются лишь значения, приобретаемые словом или редуцируемые в нем, меняются формы высказывания и формы общения – ситуации, в которых высказывание существует. Таким образом, теория Волошинова приводит нас, по сути, к дискурсивному существованию идеологии. Идеология воспроизводится и существует внутри дискурсивной практики, внутри определенного способа использования языка и через неё обретает своё воплощение в социальных практиках. По замечанию автора, любой идеологический акт сопровождается использованием слов. Слово, язык, таким образом, становятся основополагающими объектами науки об идеологиях.

Идеи, высказанные в «Марксизме и философии языка», находят свое развитие в теории литературных жанров М.М. Бахтина. В своей работе «Проблема речевых жанров» он указывает, что любое использование языка имеет форму речевого высказывания, которые по своим функциональным характеристикам и сферам использования объединяются в речевые жанры. Речевым жанром в таком случае становятся и короткая реплика в бытовом диалоге, и выступление в суде, любое публицистическое произведение и т.д.

Бахтин отмечает, что «функциональная разнородность, как можно подумать, делает общие черты речевых жанров слишком абстрактными и пустыми. Этим, вероятно, и объясняется, что общая проблема речевых жанров понастоящему никогда не ставилась. Изучались – и больше всего – литературные жанры. Но начиная с античности и до наших дней они изучались в разрезе их литературно-художественной специфики, в их дифференциальных отличиях друг от друга (в пределах литературы), а не как определенные типы высказываний, отличные от других типов, но имеющие с ними общую *словесную* (языковую) природу» [5. С. 159].

Литературные жанры включаются в систему речевых жанров как жанры «вторичные», более сложные по отношению к «первичным» жанрам – простым высказываниям. «Крайнюю разнородность речевых жанров и связанную с этим трудность определения общей природы высказывания никак не следует преуменьшать. Особенно важно обратить здесь внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами (это не функциональное различие). Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [5. С. 160]. При анализе вторичных речевых жанров внимание должно концентрироваться на высказываниях обоих уровней. Более того, особенно осторожным нужно быть с высказываниями первичными, простыми, так как, включаясь в более сложные речевые жанры, они трансформируются и приобретают другие оттенки значений, непропорциональная ориентация на первичные жанры неизбежно ведет к вульгаризации проблемы.

Другой аспект, который Бахтин подчеркивает, – это неразрывная связь высказывания любого порядка с социальным контекстом, в котором оно появилось и используется, т.е. речевые жанры – это область изучения социолингвистики. В той же статье «Проблема речевых жанров» читаем: «Ведь всякая исследовательская работа над конкретным языковым материалом <...> неизбежно имеет дело с конкретными высказываниями (письменными и устными), относящимися к различным сферам человеческой деятельности и общения, <...> откуда исследователи и черпают нужные им языковые факты. Отчетливое представление о природе высказывания вообще и об особенностях различных типов высказываний (первичных и вторичных), то есть различных речевых жанров, необходимо, как мы считаем, при любом специальном направлении исследования» [5. С. 161]. В теории Бахтина указывается и на тот факт, что каждый литературный жанр ориентирован на своего читателя, а значит, имеет социальные предпосылки для выбора способа воплощения авторской идеи. «Для каждого литературного жанра в пределах эпохи и направления характерны свои особые концепции адресата литературного произведения, особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» [5. С. 162].

Если рассматривать литературный жанр как группу произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных свойств, то, согласно высказанному Волошиновым тезису о неразрывном единстве формы общения и формы высказывания, выбор одного или другого литературного жанра – уже есть знак, передающий некоторый смысл фундирующей его идеологии. Специфика жанра, таким образом, оказывается обусловлена не только требованиями литературного характера, но и идеями, заключенными в поднимаемых произведениями этого жанра темах.

На основании сказанного выше можно сделать вывод, что литературный жанр включается в пространство идеологии органически, так как является одним из жанров речевого общения; получая своё воплощение в языке, он не только перенимает идеологические свойства слова, но и является воплощением идеологичности в собственных характеристиках – в нем присутствуют и концептуальное оформление некоторых идей, и ориентация на некую социальную группу – собственных читателей.

С развитием понятия «идеология» зачастую связано понятие утопии. Вообще, понятия идеологии и утопии в социальных теориях разработаны весьма подробно и широко. Несмотря на это, основание для разделения концептуализировано традиционным подходом Карла Мангейма. Теоретик разводит два вида знания – идеологическое и утопическое, – наделяя их специфичными чертами. Эти виды определенным образом сосуществуют в обществе, отражая сложившуюся социальную ситуацию¹. Основное различие идеологии и утопии заключается в оценке существующей ситуации (одобрение или критика), а также ориентации на, соответственно, сохранение или изменение порядка. В этой связи важно выделить то, что утопия, в силу своей революционной направленности, ориентирована на будущее, в котором планируется реализация этой идеальной модели. Идеология же ориентирована на существующую в настоящем времени модель и ее сохранение в будущем. Несмотря на принципиальные содержательные различия этих двух видов знания, можно отметить и их схожие свойства, ведь как идеологии, так и утопии, по Мангейму, содержат искаженные представления об окружающем мире.

Позиция К. Мангейма не вызывает вопросов, если мы говорим об официальной идеологии и некоей противопоставленной ей утопии. Но в современной речевой практике термин «идеология» применяется не только к официальной идеологии, скорее термин употребляется в том значении, которое закреплено во вступлении к «Метаистории» Хайдена Уайта: «Под термином “идеология” я подразумеваю набор предписаний для занятия позиции в современном мире социальной практики и действия в соответствии с ней (либо изменять мир, либо упрочивать его в его сегодняшнем состоянии); такие предписания сопровождаются аргументами, претендующими на авторитет “знания” или “реализма”» [6. С. 42]. Таким образом, как мы видим, отмечены две важные и для последующего нашего исследования особенности идеологии: 1) идеология может быть как консервативно, так и прогрессивно ориентирована; 2) идеология апелли-

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 113–169.

рует к рациональности человеческого сознания, устанавливает гегемонию знания о «верном» порядке окружающего мира.

В сближении понятий «идеология» и «утопия» Уайт исходит из анализа исторически сложившихся идеологических подходов: «Консерваторы склонны представлять историческую эволюцию прогрессивной разработкой институциональной структуры, которая преобладает в последнее время, эту структуру они рассматривают как “утопию” – т.е. как лучшую форму общества, на которую человек может “реалистически” надеяться или оправданно ожидать для временного бытия. Напротив, Либералы представляют время в будущем, когда эта структура будет улучшена, но они проецируют это утопическое условие в отдаленное будущее таким образом, что расхолаживают любые попытки ускоренно реализовать его в настоящем “радикальными” средствами. С другой стороны, Радикалы склонны рассматривать утопическое состояние как неминуемое, что вдохновляет их озабоченность обеспечением революционных средств воплощения этой утопии сейчас. Наконец, Анархисты склонны идеализировать отдаленное прошлое естественно-человеческой невинности, из которой люди впоследствии выпали в испорченное “социальное” состояние, в каком и находятся в последнее время. Они, в свою очередь, проецируют эту утопию во вневременную плоскость, рассматривая её как возможное человеческое достижение в любое время, если человек получит доступ к контролю над своей человеческой сущностью либо посредством акта воли, либо посредством акта сознания, который разрушит социально заданное убеждение в законности существующего социального истеблишмента» [6. С. 43].

Таким образом, оказывается, что «утопия» не просто непротивопоставление «идеологии», утопия является неперенным атрибутом идеологии, разниться идеологии могут тем, как они понимают и определяют утопию, на какую позицию они ставят социальную утопию в исторической эволюции, но обойтись без модели идеального общества не может ни одна политическая, социальная и любая другая идеология.

Термины «идеология» и «утопия» применимы не только к политическим движениям, но и к социальным. Так, например, очень часто говорят о «феминистской утопии» и такой же идеологии. Вполне закономерным, памятуя об имманентной идеологичности литературного жанра, выглядит появление произведений феминистской научной фантастики, созданных в жанре феминистской утопии. Появление таких произведений по времени связано с развитием движения за права женщин, начиная с того момента феминистская фантастика очень чутко следит за социальными и политическими процессами, относящимися к области гендерных отношений, воплощая в своих утопиях актуальные идеологические теории и осмысляя насущные проблемы.

Такая тесная связь с социальными процессами позволяет говорить о том, что при подборе адекватных и эффективных методов исследования, феминистская утопия может представлять ценность не только для литературоведческого (как органичного и само собой разумеющегося), но и для социолингвистического исследования. Интерес к литературным текстам как речевым жанрам лежит в области микросоциолингвистики, сосредоточенной на конкретных случаях социально окрашенного использования языка.

Необходимо исследовать социальный контекст возникновения и развития феминистской утопии.

Прежде всего, определим термин «**утопия**» относительно литературы как жанр художественной литературы, относящийся к научной фантастике, описывающий модель идеального, с точки зрения автора, общества.

Писательница Салли Миллер Джирхарт (Sally Miller Gearhart) называет этот вид феминистской фантастики политическим: он контрастирует с современным, существующим обществом и его представлениями об идеальном обществе, ценностями и условиями жизни, видя патриархальную систему источником социальных и политических проблем (например, войн), и презентует женщин как равных мужчинам или превосходящих их.

Развитие феминистской фантастики как жанра связывают со «второй волной» феминизма. «Вторая волна» относится к периоду феминистской деятельности с начала 1960-х до конца 1980-х гг. Исследователь Имельда Велехан предположила, что «вторая волна» была продолжением предыдущей фазы феминизма, включающей суфражисток в Великобритании и США. «Вторая волна» феминизма сейчас сосуществует с тем, что называют «третьей волной» феминизма. Исследователь Эстела Фридман, сравнивая первую и вторую «волны» феминизма, говорит, что «первая волна» сосредоточивалась на таких вопросах, как избирательное право, в то время как «вторая волна» в основном касалась других вопросов равенства – таких, как ликвидация дискриминации¹. Феминистки «второй волны» понимали, что различные формы культурного и политического неравенства женщин неразрывно связаны между собой. Они призывали женщин осознать, что отдельные аспекты их личной жизни глубоко политизированы и являются отражением сексистских властных структур.

В работе «Женщины на краю жанра: феминистские дистопии Мардж Пирси» («Woman on the Edge of a Genre: The Feminist Dystopias of Marge Piercy») М.К. Букер (M.K. Booker) замечает: «Несмотря на большой акцент на сексуальность в дистопической и утопической литературе, большинство произведений этого жанра сделали очень мало для переосмысления гендерных ролей, <...> они типично ставят мужчину на позицию мужчины, а женщину – на позицию женщины» [7. С. 337]. Это послужило причиной того, что женщины в 1960-х – начале 70-х стали создавать другие утопии, призванные устранить этот дисбаланс. Произведения этого жанра воспринимались тогда как некое «пороговое» место, где возможно переопределить «естественный» порядок вещей в обществе и «натурализированную» роль женщины в нем.

Джудит Батлер (Judith Butler) в работе «Bodies that Matter» утверждает: «На самом деле повествование – это место, где содержится теория» [8. С. 182]. Эта идея более чем применима к феминистской научно-фантастической утопии. Феминистская утопическая литература выступила благодатной почвой для социальных теорий, которые как таковые тогда еще не существовали в женской среде. Примером этого служат Дж.Русс и М.К. Пирси (Russ and Piercy) и то, что они писали во времена политиче-

¹ Идеологии и утопии современного общества: визуальный анализ кинотекста. URL: <http://discourseanalysis.org/ada4/st35.shtml>

ских и социальных волнений 70-х гг. XX в. Произведения феминистской научно-фантастической утопии тех лет проделывают очень важную работу, проблематизируя социальные и культурные порядки. Авторы создают миры, которые через повествование демонстрируют будущие возможности для женщин занимать такую позицию, которая гендерно не окрашена, и быть оцененными не по признаку своего пола. Это то, чего не хватало женщинам-авторам в традиционных фантастических утопиях, что проявляется, например, в работе Кэтрин Бердекин (Katherine Burdekin) «Swastika Night» (1937) – дистопии, где женщины были низведены до расы, пригодной только для размножения. Работа Бердекин только лишь формулирует опасность, которую несет в себе мужское превосходство (посредством низвержения женщин), но, будучи ограниченной дистопическим жанром, она неспособна оставить какую-либо надежду на освобождение женщин в «Swastika Night». Это X-фактор гендера и сексуальности, который может быть трансформирован через остранение (queering) ролей гендера и сексуальной ориентации в критически настроенных феминистских утопиях. В феминистских утопиях Русс и Пирси демонстрируют, как гендер и сексуальная ориентация могут быть денатурализованы и переосмыслены в остраненном пространстве феминистской утопии, и в то же время создают теоретические модели того, как гендер и сексуальная ориентация могут быть представлены за пределами существующей модели. Сара Сали (Sarah Salih) пишет в «The Judith Butler Reader»: «Батлер разрушила различие пола и гендера для того, чтобы возразить утверждению, что нет такого пола, который не предписывает определенный гендер. Всем телам предписывается гендер в начале их социального существования (и не существует никакого другого существования, кроме социального), что означает, что не существует какого-то “естественного” тела, которое бы предшествовал[о] культурным предписаниям самого себя. Это кажется свидетельством в пользу заключения, что гендер не есть нечто существующее, нечто действующее, акт, или, более вероятно, последовательность действий, скорее глагол, чем существительное» [9. С. 55].

Теория перформативности дискурса описывает смещение, созданное в повествованиях Русс и Пирси, в которых пол и гендер – перформативы, и «естественные» роли биологического и социального пола переосмыслены в ключе конструционизма. Конструируя эти различия, авторы феминистских утопий показывают, что языковыми средствами можно составить определение пола и гендера в пространстве утопического нарратива. Это предполагает, что феминистские утопии – это место, где социальная критика становится фундаментом для женской эмансипации.

Литература

1. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Наумова. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. 144 с.
2. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / вступ. ст. Н.Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
3. Женнетт Ж. Фигуры. В 2 томах. И.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.
4. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост., текстологическая подготовка И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. С. 349–486

5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр.соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
6. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. 528 с.
7. Booker Keith M. Woman on the Edge of a Genre: The Feminist Dystopias of Marge Piercy. SF-TH Inc/ Science Fiction Studies, 21:3 (Nov., 1993): 337–350. Jstor. Web. 31.01.2011
8. Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex". N. Y.: Routledge, 1993.
9. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y.: Routledge, 1993.

Postnikova Daria I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
DOI: 10.17223/1998863X/32/22

SOCIOLINGUISTIC CHARACTERISTICS OF FEMINIST UTOPIAS

Keywords: literary genre, ideology, utopia, feminist science fiction, discourse analysis

The paper is dedicated to the problem of immanent connection between literary genre, utopias and ideology, including different definitions of terms "utopia" and "ideology". The object of analysis is feminist utopia genre, the paper reviews sociolinguistic characteristics of utopian genre and its philosophical analysis and modeling opportunities.

References

1. Todorov, Ts. (1997) *Vvedenie v fantasticheskuyu literature* [Introduction to science fiction]. Translated from French by B. Naumov. Moscow: Russian Phenomenological Society.
2. Tomashevskiy, B.V. (1999) *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press.
3. Genet, J. (1998) *Figury. V 2 tomakh* [Figures. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Publishing House named after Sabashnikov.
4. Voloshinov, V.N. (2000) Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and the philosophy of language]. In: Bakhtin, M.M. *Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i* [Freudianism. A formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Articles]. Moscow: Labirint. pp. 349–486
5. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 159–206.
6. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical imagination in Europe of the 19th century]. Ekaterinburg: Urals State University.
7. Booker, K.M. (1993) Woman on the Edge of a Genre: The Feminist Dystopias of Marge Piercy. *Science Fiction Studies*. 21(3). pp. 337–350.
8. Butler, J. (1993) *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex"*. New York: Routledge.
9. Butler, J. (1993) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge.